

УДК 811.161.1'0
ББК 81.411.2-03

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЭМОТИВОВ В ЯЗЫКЕ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ¹

Дмитриева Евгения Геннадьевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и документалистики
Волгоградского государственного университета
devgeniya@inbox.ru, iryas@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу употребления эмотивной лексики в региональных деловых памятниках XVIII века. Выявлены специфика развития лексических значений и особенности функционирования эмотивов в деловом тексте, установленны связи языка документов с агиографической и летописной традициями.

Ключевые слова: история русского языка, региональная деловая письменность, язык документов, лексическая семантика, эмотивная лексика.

Деловой письменности как одному из неотъемлемых компонентов языковой культуры и важнейшему элементу письменной утилитарной традиции принадлежит важное место в истории русского языка. По замечанию О.В. Никитина, начиная с первых веков существования славянского кириллического письма и до настоящего времени деловое «наречие» функционирует и развивается в системе литературного языка, диалектах, в словесно-художественных произведениях и научных трудах, обслуживая организованную по жанровым, текстологическим и языковым законам оригинальную и стабильную сферу делопроизводства [7, с. 3].

Проблемы становления и развития русского делового стиля, состава и структуры текстов делового содержания в различные исторические периоды, несмотря на пристальное внимание к ним ученых, продолжают оставаться недостаточно изученными. В связи с этим особый интерес представляет изучение деловой письменности XVIII века. С одной стороны, именно в это время в России происходит замена приказной формы управления и делопроизводства коллежской; с дру-

гой стороны, в истории русского литературного языка XVIII в. – это период, когда на всех уровнях языка и во всех сферах его функционирования происходит становление литературных норм. Деловой язык обогащается разнообразным материалом, пополняясь заимствованиями, терминами; формируются терминосистемы; начинают обособляться официально-деловые (канцелярские) элементы в качестве особого стиля письменного языка, в котором отсутствуют просторечные компоненты. Проводниками нового делового языка стали документы центральных правительственных учреждений, однако немаловажную роль в его развитии сыграли и региональные традиции деловой письменности.

Деловые тексты XVIII в., как показало исследование Л.Ф. Копосова, представляют собой своеобразный сплав искусственных элементов канцелярского стиля и фактов, отражающих живую речь того времени [5, с. 22]. Важность регионального аспекта изучения языка памятников деловой письменности XVIII в. состоит в том, что в создаваемых на местах документах отражается как общий процесс стабилизации норм национального

русского языка, так и действие узуальных норм делового стиля, определяемых социолингвистической и социокультурной спецификой функционирования этих документов в данном регионе [6, с. 12].

Несмотря на возросший интерес к изучению памятников региональной деловой письменности, по мнению О.А. Горбань, остается малоизученным целый пласт документов, созданных в канцеляриях такой значительной административно-территориальной единицы, как область Войска Донского, характеризующейся этническим и языковым своеобразием [2, с. 11].

Материалом для нашей работы послужили рукописные документы области Войска Донского, относящиеся к архивному фонду № 332 «Михайловский станичный атаман» (1734–1837 гг.) и хранящиеся в Государственном архиве Волгоградской области (далее – ГАВО). Объектом исследования являются употребленные в названных текстах эмотивные лексемы.

Предпринятое нами ранее исследование формирования семантики древнерусских и старорусских эмотивных глаголов выявило, что ядро этой группы сложилось уже в древнейшую эпоху. Языковой материал памятников XI–XVII вв. показывает, что данное семантическое множество активно пополняется, в том числе за счет деривационных семантических изменений глаголов других лексико-семантических классов. В отличие от относительного разнообразия процессов семантической деривации, приводящих к расширению числа эмотивных глаголов, случаи семантической деривации, в которых в качестве мотивирующих выступали бы сами эмотивные глаголы, крайне редки. В житийных текстах подобные семантические изменения в смысловой структуре рассматриваемых языковых единиц не зафиксированы [4, с. 20]. Однако в летописном тексте все же встречаются глагольно-именные сочетания, по отношению к которым можно говорить о семантической деривации [3, с. 16].

Обращение к памятникам деловой традиции, созданным как в центральных, так и в местных учреждениях, позволило расширить наблюдения над семантикой и функционированием эмотивной лексики, прежде всего, по-

тому, что отмеченные случаи употребления эмотивных лексем, с одной стороны, продолжают традиции древнерусской и старорусской книжности, а с другой – отличаются подлинным своеобразием.

Частотным в исследуемых документах является существительное *гнев*. Корень *-гнѣв-* уже в дописьменный период приобретает семантику эмоционального переживания, которая реализуется в лексемах с данным корнем, фиксируемых в памятниках письменности древнерусского и старорусского периодов.

Так, эмоциональное состояние гнева начал глагол *разгнѣватисѧ* «разгневаться, рассердиться» (Срезн., т. 3, с. 30), номинирующий замкнутый в сфере субъекта процесс эмоционального переживания, который представлял собой отрицательное чувство высокой степени интенсивности, отнесенное к субъекту. Приставка указывала на становление процесса.

Данная лексема широко употребляется в летописных и житийных текстах древнерусского и старорусского периодов, например: *И разгнѣвасѧ на тѣ, оже то гравили Даньслава и Поздрью, и на соуьскаго на Ставра, и затоци га всѧ* (ЛН XIII, л. 9 об. – 10); *По сем же разгнѣвасѧ царь Баттын на брата его меншаго Андрѣга* (ЛП, л. 160 об.); *И оттолѣ Андрѣи разгнѣвасѧ на новгородцовъ* (ЛП, л. 167); *И князь Александръ оуѣинивъ розратие с Немци, и разгнѣвавсѧ на псковну, и поеха к Новоугороду* (ЛП, л. 172); *Он же [архипископъ] разгнѣвавсѧв поеха изо Пскова* (ЛП, л. 196 об.).

Рассматриваемый глагол в большинстве случаев сочетается с конкретным, одушевленным существительным, выражающим субъект и обозначающим лицо, имеющее высокий социальный статус. Например: *Понеже муж твои вельми разгнеवासѧ на тѧ, хощет тѧ мѣнати без милости* (ЖЗС, л. 291). В приведенном контексте заслуживает внимания тот факт, что глагол *разгнѣватисѧ* обозначает состояние-отношение, выступающее причиной, обоснованием последующего жесткого обращения (действия): *Разгнѣватисѧ на нь и бити и* (ЖФП, л. 2; Срезн., т. 3, с. 30); *Разгнѣвавсѧ же князи на іеремію, виша его, и въ темницѣ ввергоша: но паки*

пославлено мѣ бѣсть (ЧМ, л. 19). Указание на следствие эмоционального состояния, а также контекстуальный уточнитель **вельми** служат для усиления передачи интенсивности переживания. Однако столь интенсивное отрицательное чувство негативно оценивается автором, на что указывает другой уточнитель образа действия – **без милости**, то есть без жалости, без милосердия. Такое эмоциональное переживание ведет к жестоким поступкам, а порой и к убийству: **тогда ѿ разгнѣваннѣхъ люди своихъ іудеивѣ, сватѣи іереміа каменіемъ побіенѣ бѣвъ оумре** (ЧМ, л. 28) – и характеризует персонажа с отрицательной стороны.

Сближение эмоционального переживания и действия, а также перенос оценочных доминант находим в житийных контекстах, в которых лексема **разгнѣватиса** может употребляться для создания отрицательной характеристики лиц, даже если они не являются субъектами данного состояния. Речь идет об особых ситуациях описания гнева Божия, например: **Разгнѣвавса оубо гдѣ на люди тѣя, готоваше имъ скорое разорніе и погѣбніе, еже показа іермін урез жезлъ орѣховѣи, и конобѣ поджигаемѣи** (ЧМ, л. 6). Чувство гнева оценивается в христианской традиции как греховное, однако в приведенном житийном контексте способностью переживать данное чувство наделяется высшая сущность. Н.А. Бердяев писал по этому поводу: «Богу... нисколько не боятся приписать гнев, ревность, месть и пр. аффективные состояния, которые считаются предосудительными для человека. Существует глубокая пропасть между пониманием человеческого совершенства и Божественного совершенства» [2, с. 41].

В приведенном контексте эмоциональное переживание, обозначаемое употребленной в прямом значении лексемой **разгнѣватиса** и относящееся к субъекту, выраженному существительным **гдѣ**, выступает причиной для последующих отрицательных событий. Так как вершителем данных событий является Бог, то отрицательная оценка становится частью характеристики лица, вызвавшего это состояние-отношение, а последующие события оцениваются как справедливая кара за греховное поведение.

В Копии с копии Указа о правилах проезда через почтовые станции войска Донского

от 23 октября 1739 г. находим один из типовых контекстов: *подопасениемъ ѿи[егз] императорскагѡ величества гнева и воинского суда аповажно... ѡпотеряние^м живота* (ГАВО. Ф. 332, оп. 1, ед. хр. 2, л. 2). В словарях существительное *гнев* отмечено в значениях: «оказывание в высокой степени негодования за причиненное нам озлобление» (САР, т. 2, с. 133); «негодование»: <Панноны> *быша зѣло крѣпки и силны, от природы приклонны ко гнѣву. Кн. исторіогр. 134.* (СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 139). На субъект эмоционального переживания – лицо, имеющее особый социальный статус, – указывают словоформы *императорскаго величества*, употребленные в форме родительного падежа без предлога, выражающей значение «производитель действия» конструкции.

Таким образом, можно сделать вывод, что документ отражает тенденцию сближения личностного (эмоционального) и социального начал, когда, с одной стороны, носителем эмоции выступает лицо социально значимое, а с другой – чувство гнева перестает характеризовать его носителя и обращается на объект, выступающий в данном случае образцом отрицательно оцениваемой модели поведения. В этой модели гнев представлен как справедливое воздаяние, как чувство, подразумевающее действие, а правитель (император, императрица) изображается носителем справедливой, Божественной по своей природе, власти.

Отметим, что в «Словаре Академии Российской» фиксируется устойчивое выражение *гнев Божий*, обозначающее «естественное, но чрезвычайное происшествие, бедствие нам наносящее» (САР, т. 2, с. 133). Как видно из словарной дефиниции, эмотивный компонент в значении существительного *гнев* стирается, происходит утрата эмотивного значения. Представляется возможным говорить, что характеризующие деловой текст употребления типа *императорскагѡ величества гнева* (ГАВО. Ф. 332, оп. 1, ед. хр. 2, л. 2; и др.) тоже являются речевой формулой, формирующейся, по-видимому, под влиянием выражения *гнев Божий*. В данном случае происходит замена эмоциональных смыслов социальными.

В рассмотренных деловых документах встречаем и другие примеры сближения эмо-

ционального состояния и социального отношения / действия. В подорожной по сопровождению колодника находим следующий контекст: *бѣглець семень никиторѡвъ въ прозвание^м мякишевѣ: которои сапобѣгъ на^стра^х другимъ ввойсково^м кругу битъ плетми* (ГАВО. Ф. 332, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1).

Существительное *страх* отмечено в «Словаре Академии Российской» в значении «ужас, беспокойство воображением наступающего зла, несчастье в душе возбужденное» (САР, т. 5, с. 859). В этом значении оно номинирует замкнутый в сфере субъекта процесс эмоционального переживания, который представлял собой отрицательное чувство высокой степени интенсивности, отнесенное к субъекту.

В приведенном контексте анализируемое существительное употреблено в синтаксической функции обстоятельства цели. При этом уточняемое действие (*битъ плетми*) описывает наказание, то есть социальное действие. Это позволяет говорить о том, что в данном случае речь идет не только о страхе как эмоциональном состоянии, а о покорности как выражении социального отношения. Целью наказания было не просто напугать, а обеспечить реализацию поощряемой модели поведения – послушания. Значение «послушание» фиксируется в словарях, при этом в качестве примеров приводятся сочетания *страх Божий*, *страх Господень* (САР, т. 5, с. 859), отсылающие нас вновь к традициям церковной книжности.

Таким образом, проведенный анализ использования эмотивной лексики в документах области Войска Донского позволил сделать ряд выводов относительно особенностей семантики и функционирования эмотивов в деловых памятниках XVIII века. Специфика рассмотренных лексем проявляется, во-первых, в тенденции к сближению семантики эмоций и социальных отношений и, как следствие, развитию переносных лексических значений; во-вторых, в смене субъектно-объектных доминант эмоциональных состояний, приводящей к тому, что эмоциональные переживания характеризуют не их носителей, а лиц или события, которые стали его причиной; в-третьих, в сохранении и развитии традиций речевого употребления, сложившихся в рамках агиографических и летописных текстов; в-чет-

вертых, в появлении устойчивых речевых формул, характеризующих деловой язык.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-14-34008 «Речевая структура документов Области Войска Донского XVIII–XIX вв. как отражение взаимодействия различных культурно-языковых традиций»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: ТЕРРА: Кн. клуб: Республика, 1998. – 384 с.
2. Горбань, О. А. Композиция и языковые особенности документов канцелярии правительства области Войска Донского / О. А. Горбань // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 11–16.
3. Дмитриева, Е. Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском тексте / Е. Г. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2010. – № 1 (11). – С. 14–19.
4. Дмитриева, Е. Г. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в житийном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дмитриева Евгения Геннадьевна. – Волгоград, 2005. – 22 с.
5. Копосов, Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности / Л. Ф. Копосов. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1991. – 83 с.
6. Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. – М.: Азбуковник, 2006. – 263 с.
7. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Никитин Олег Викторович. – М., 2004. – 47 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ЖЗС – Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. – Курган: Изд-во Кург. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 9–84 (Л. 210 об. – 310 об.).

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1971. – С. 71–135 (Л. 26а–67в).

ЛН XIII – Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – Т. 3. – С. 15–100 (Л. 1–169).

ЛП – Псковская вторая летопись по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 5, вып. 2. – С. 9–69 (Л. 154–224 об.).

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006. – 6 т.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003. – 3 т.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–6. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–1991 ; Вып. 7–17. – СПб. : Наука, С.-Петерб. отд-ние, 1992–2007.

ЧМ – Жития святых: Минея Четья: Месяц май. – Репр. изд. – [Б. м.] : Изд-во Братства свт. Алексия, 1998. – 587 с. – Содерж.: Житие, пророчество и страдание святого пророка Иеремии ; Житие преподобного Пафнутия ; Житие святых мучеников Еспера и Зои, сожительницы его, и чад их, Кирилка и Феодула ; Сказание о убиении святых стратотерпцев, российских князей, Бориса и Глеба, во святом крещении нареченных Романа и Давида, и о пренесении честных мощей их, и о чудесах отчасти.

DEVELOPMENT OF THE EMOTIVE LEXICS MEANINGS IN THE LANGUAGE OF THE OFFICIAL DOCUMENTS

Dmitrieva Evgeniya Gennadyevna

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Russian Language and Documentation Studies,
Volgograd State University
devgeniya@inbox.ru, iryas@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the analysis of the emotive lexical units using in the regional official texts of the 18th century. The author defines the specific character of development of emotive lexical meanings and features of their functioning in the official text; the interrelations between official language and traditions of hagiography texts and chronicles have been found.

Key words: history of the Russian language, regional documentary, official language, lexical semantics, emotive lexical units.